

Остерегайтесь его измены

Разбей его клетку

Гарри дождался лишь кивка Дамблдора, после чего бросился прочь. Даже когда он шел, в коридоре раздавался возмущенный голос Снейпа.

Занятия в школе начнутся чуть больше чем через неделю.

Пусть он и провалил Дивинити, но у него было предчувствие, что этот год не будет похож ни на один другой.

Он ненавидел быть правым.

Он решил, что Дамблдор привезет усиление. Иногда Гарри задавался вопросом, не сделает ли Дамблдор ничего, кроме повторения истории. Как бы Гарри ни было неприятно это признавать, но Гарри и ребёнок Том Риддл были до жути похожи: сироты, заброшенные, подвергшиеся насилию, жаждущие доказать всему миру, что они чего-то стоят, будь то в облике Тёмного Лорда или Спасителя.

Гарри не мог позволить втянуть себя в этот путь.

Мистер и миссис Уизли, а также профессор МакГонагалл сидели в полукруге вокруг директора. Снейп висел в тени, как летучая мышь-переросток, которой его все называли.

"Гарри, мы только что закончили кое-какие дела Ордена. Не могли бы вы уделить нам минутку".

Гарри кивнул; его лицо было безучастным, пока он пытался проанализировать мотивы каждого. Уизли были здесь для того, чтобы подчинить его себе, а его привязанность к ним - орудием в руках Дамблдора. Тем более что они так привыкли следовать за ним, что практически вырастили для него целую армию. Справедливая МакГонагалл, беспристрастный голос разума, глава факультета, который был ближайшим союзником Дамблдора среди круглогодичного персонала. И Снейп, антагонист. Разгневанные губы давали волю словам легче, чем спокойный разум.

Он сокрушался о том, сколько раз его вызывали к этим трём сотрудникам и как легко с ним играли. Пожалуй, это была единственная причина, по которой он понимал роль каждого. Без этого он, вероятно, упустил бы все тонкости, которые могли бы сыграть.

Ему приходилось сохранять самообладание и опасаться уступок, на которые он, скорее всего, невольно пойдет.

"Гарри, я очень сожалею, что не предложил тебе лимонную каплю? Может быть, вы хотите выпить чаю?"

На лице Гарри промелькнуло отчаяние, но затем оно снова превратилось в нечитаемую маску.

"Нет, спасибо, директор. Я попросил об этой встрече, потому что считаю, что настало время прояснить ситуацию между нами. Иначе год будет очень неприятным".

Дамблдор улыбнулся ему. Гарри устало посмотрел на него; лавандовые мантии цвета луны и солнца не способствовали созданию образа здравомыслящего человека.

"Давайте действовать методично: я задаю вопросы и выслушиваю объяснения".

"Типичный Поттер", - усмехнулся Мастер зелий, - "Ваше высокомерие не уступает вашему отцу. Директор здесь не для вашего удовольствия. Но, впрочем, Поттеры никогда не считались ни с кем другим".

Остальные приглушённо запротестовали, и Дамблдор мягко укорил его.

"Это собрание также будет продолжено с минимальным количеством Снейпов..."

"-Профессор Снейп, Гарри..."

"- Вмешательства, если он пожелает присутствовать. Мне не нужно с ним разговаривать, и у меня нет причин его включать, но я подшучу над вами и позволю ему остаться".

Бледная кожа Снейпа покраснела, и гневные слова, горевшие в его глазах, были заглушены лишь взглядом, который бросил на него Дамблдор.

"Скажите мне, директор, почему от меня скрывали моё наследство? Вы были волшебником, отвечавшим за поместье моих родителей, когда Сириус был в заключении".

Дамблдор тяжело вздохнул, возраст явно отразился на его лице. Гарри оставался бесстрастным.

"Гарри, каждый год ты приходишь в эти залы, и каждый год мне больно видеть, как на твои плечи ложится ещё большее бремя. Я не могу позволить себе предъявлять к тебе еще больше требований, которые не должен предъявлять ни один ребенок".

Гарри лишь нахмурился. В такие моменты он был рад, что в прошлом году занимался Оккультизмом в частном порядке. Это помогало отстраниться.

"Нельзя стать одержимым Темным Лордом и ожидать, что детство примет тебя обратно. Нельзя жить так долго, как я, цепляясь за фантазии".

Позади него миссис Уизли приглушённо застонала, но Гарри не стал бы говорить меньше правды только для того, чтобы успокоить её чувства.

"С того дня, как я услышал о том, что мои родители когда-то приезжали сюда, я жаждал найти любой остаток их прошлого. Думал ли ты, что знание об их хранилище будет мне в тягость? Думал ли ты, что мне будет больно узнать, что однажды я буду носить кольцо, которое носил мой отец и его отец? Я знаю, что вы пытались защитить меня от жадных до денег политиков, но вы лишили меня связи с моим прошлым. Те немногие воспоминания о людях, которые родили меня и которые погибли, служа вашему драгоценному Ордену".

Глаза Дамблдора затуманились от чувства вины.

"Мне ужасно жаль. Вы были так молоды, что я не мог не попытаться защитить вас всеми возможными способами, как того хотели бы ваши родители".

Гарри поджал губы при упоминании о родителях, но пропустил это мимо ушей. Лучше выбирать, с кем сражаться. Позади него мистер Уизли протянул руку и сжал его плечо, другая его рука была занята тем, что успокаивала поникшую миссис Уизли.

"Ты никогда не думал рассказать мне о наследстве Сириуса? Единственное, что у меня было от крестного, - это разбитое зеркало и метла, которой я не смел пользоваться, боясь ее повредить. Я знаю и ценю твою попытку уберечь меня от еще большего горя, но горе - это не то, что ты или я можем контролировать. Мы все страдаем от него, и мы все должны позволить ему пройти, если хотим жить дальше. Он был моим крестным отцом, и я любила его каждую секунду, когда он был у меня, и скучаю по нему каждую секунду, когда его нет, но он не был моей жизнью и не был ее концом."

"Я могу только просить прощения за любой проступок, который, по вашему мнению, я совершил. Годы не были к вам добры, мы просто хотели избавить вас от ненужного горя".

"Я понимаю ваши причины, но каждый раз, когда вы пытаетесь защитить меня, вы отталкиваете меня, вы причиняете мне боль без объяснения причин, и все позволяют вам это, потому что вы - Лидер Света. Есть много вещей, на которые я могу гневаться прямо сейчас, но, несомненно, со временем они станут яснее. Я могу говорить все, что хочу, но никто не поверит мне, пока не увидит все своими глазами. Я хочу сказать только одно".

Гарри глубоко вдохнул, потянувшись к своим техникам медитации, когда все, что он хотел сделать, это разбить все его болтовню и выцарапать когтями мерцающие глаза, которые, казалось, говорили о том, как он гордится Гарри за то, что тот говорит спокойно. Как будто его проступки не имели никакого значения.

"Не думаю, что я когда-нибудь прощу тебя за Дурслей".

МакГонагалл резко выдохнула, когда Гарри встретился со скорбным взглядом Дамблдора.

"Мне жаль, что они погибли. Я действительно верил в то, что палаты могли уберечь их".

Гарри медленно моргнул. Он снова моргнул. Вот оно, его самообладание.

" Ву Цирцея! Я не это имел в виду! Вы от природы так слепы или это относится только ко мне! Неужели ты живешь так долго, что твой ум подводит тебя? Когда ты поместил меня туда шестнадцать лет назад, ты хоть слабо представлял себе, что это за люди? Ты верил, что после победы над демоном мы будем жить как в сказке?"

К этому времени глаза Гарри сияли силой, рождённой гневом, в радужной оболочке жестоко билось пламя. Его голос неуклонно повышался, пока он не перешёл на крик.

Снейп заткнул бы его прямо сейчас, если бы не тот факт, что его волосы встали дыбом от магического разряда, исходившего от подростка.

Всё-таки у Слизеринцев есть инстинкт самосохранения.

"Я виню тебя за каждый год, проведенный под их крышей, и за каждое лето, когда ты заставлял меня возвращаться. Было бы добрее отдать меня на воспитание Снейпу. По крайней мере, тогда бы я знал, за что меня ненавидят". Гарри закончил смертельным шепотом, ломким и резким, как маска, скрывающая боль задушенного детства.

"По крайней мере, тогда мне не пришлось бы задаваться вопросом, почему моя семья не любит прикасаться ко мне, кроме как для того, чтобы напомнить мне о моём месте".

Гарри сел, так и не поняв, что вообще встал. Сзади его обхватили единственные руки, которые он когда-либо чувствовал, даря ему ласку матери. Он почувствовал горячие слезы на своей шее и тихий шепот утешения возле своего уха. Он моргнул яркими глазами, изучая директора школы.

Дамблдор выглядел опечаленным и потрясённым. В его глазах читалось сожаление и чувство вины.

Позади него сияли глаза МакГонагалл, в которых был заметен понимающий блеск, не скрываемый жалостью. МакГонагалл, по крайней мере, подозревала.

Он не стал смотреть на Снейпа. Ради Мерлина, этот человек видел его воспоминания! Но Гарри понимал его слепоту. Десятилетняя обида не позволяла ему увидеть всю картину, из

которой складывались обрывки мучений.

Острые изумрудные глаза неотрывно смотрели на директора. Он видел эмоции, бурлящие в этих голубых глубинах.

Но никогда не было тех, которые имели значение.

Было много "извинений" за то, что пришлось страдать от последствий, за вопросы доверия.

Но не было прощения за то, что он совершил преступление. Извинения за причинённый ущерб, но не извинения за то, что вмешался в его жизнь и переделал её так, словно это была его личная скрипка.

Гарри продолжал искать.

И всё никак не мог найти то, что хотел.

Он устало закрыл глаза, желая вернуться в свою комнату в общежитии. И он подумал, не удалось ли Дамблдору причинить ему ещё большую боль, чем тем, чьи руки запятнаны кровью его близких.

Поэтому он не открывал глаз, не желая снова разочаровываться.

<http://tl.rulate.ru/book/98115/3332039>